

П. Кадочников, А. Кнобель, С. Синельников-Мурылев

Открытость российской экономики как источник экономического роста

В работе исследуются меры по интеграции России в мировую экономику, направленные на возобновление экономического роста. Выделяются условия открытости и механизмы, за счет которых расширение торговли с другими странами и увеличение взаимных инвестиций способствуют экономическому росту в России. Формулируются предложения по дальнейшему развитию поддержки экспорта, интеграционной повестке, реформированию соответствующих институтов.

Ключевые слова: международная торговля и инвестиции, Евразийский экономический союз, зона свободной торговли, промышленная политика.

JEL: F13, F15, F21, F41.

Кризис 2007–2008 гг. существенно изменил параметры развития мировой экономики и международной торговли: темпы роста стали более сдержанными, существенно выросла неопределенность. Рост ВВП в Китае в 2015 г. замедлился до 6,9% по сравнению с 7,3% в 2014 г. и 7,7% в 2013 г. (IMF, 2016), китайский экспорт и импорт в 2015 г. по сравнению с 2014 г. снизились на 2,9 и 14,2% соответственно (WTO, 2016). Снижается экспорт и других ведущих экономик — США (на 7,1%), ЕС (на 12,5%), Японии (на 9,5%), Индии (на 17,2%) (WTO, 2016). Согласно апрельским (2016 г.) прогнозам МВФ, в 2016 г. темпы роста в США ожидаются на уровне 2,4%, ЕС — 1,5, китайская экономика вырастет всего на 6,5, бразильская сократится на 3,8, а наибольшие темпы роста из развивающихся стран прогнозируются в Индии — 7,5% (IMF, 2016).

С 2013 г. доля России в мировой экономике снижается: если в 2012 г. она составляла 3,5% (в мировом ВВП по ППС), то в 2015 г. — 3,2%, и продолжает уменьшаться из-за отставания экономической дина-

---

Кадочников Павел Анатольевич (plk@vavt.ru), к. э. н., проректор по научной работе Всероссийской академии внешней торговли (Москва); *Кнобель Александр Юрьевич* (knobel@ier.ru), к. э. н., директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС (Москва), завлабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Москва); *Синельников-Мурылев Сергей Германович* (sinel@vavt.ru), д. э. н., проф., ректор Всероссийской академии внешней торговли (Москва).

мики от среднемировой. Если среднегодовые темпы роста российской экономики в 2016–2020 гг. составят 0,6%, как прогнозирует МВФ (IMF, 2016), то Россия опустится с 5-го места на 7-е, пропустив вперед Индонезию и Бразилию.

Во второй половине XX и в начале XXI в. международная торговля росла быстрее мировой экономики: отношение объема торговли к мировому ВВП постоянно повышалось — примерно с 10% в начале 1960-х годов до приблизительно 30% в 2000-е годы. После 2008 г. ситуация изменилась: доля международной торговли в мировом ВВП не растет, оставаясь на уровне примерно 30%. В ближайшее десятилетие рост мировой торговли товарами и услугами ожидается на уровне роста мирового ВВП — не более 3–4% в год (World Bank, 2016). Для российской экономики важно, что спрос на сырьевые товары и энергетические ресурсы в мире в таких условиях будет расти медленнее, и предложение этих товаров и ресурсов, выросшее при высоких мировых ценах, будет избыточным.

Ухудшение конъюнктуры на ведущих сырьевых рынках стало одним из серьезных факторов осложнения экономической ситуации в России. В 2015 г. добыча нефти в нашей стране составила 534 млн т, экспорт — 244,5 млн т. При таких объемах падение мировых цен на нефть означает потери примерно 3,8–3,9 млрд долл. в год на каждый доллар снижения цен. При среднегодовой цене на нефть марки Urals в 2014 г. 97,6 долл./барр., в 2015 г. — 51,2 долл./барр. (снижение более чем на 46 долл./барр.) доходы российской экономики уменьшились примерно на 175 млрд долл. в год, или на 13,2% ВВП 2015 г. (8,6%¹ ВВП 2014 г.)².

Кроме того, к числу сдерживающих экономический рост в России факторов относятся продолжающееся снижение структурных темпов роста и негативная фаза цикла (см.: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013; 2014; Синельников-Мурылев и др., 2014), а также технологические и финансовые санкции по отношению к России. Все эти факторы в совокупности обусловили снижение ВВП российской экономики в 2015 г. на 3,7%. В ближайшие годы она продолжит находиться под их влиянием при снижении темпов спада или невысоких темпах роста.

Из-за санкций со стороны западных партнеров, сложностей с продвижением восточной повестки, внутренних экономических ограничений в России получает все большее распространение позиция, согласно которой основой для дальнейшего развития должна стать опора на собственные силы. В экономической политике это проявляется в сокращении участия во внешней торговле, смещении в сторону протекционизма и импортозамещения, причем в большинстве случаев — в ущерб благосостоянию потребителей и конкурентоспособности производителей, встроенных в мировую экономику и глобальные цепочки добавленной стоимости.

¹ Рассчитано на основе данных Всемирного банка, согласно которым номинальный ВВП России составил 2031 млрд долл. в 2014 г. и 1326 млрд в 2015 г. (World Bank, 2016).

² Об оценке бюджетной политики РФ в условиях зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры см.: Кнобель, Соколов, 2012. О рисках бюджетной политики в богатых ресурсами экономиках см.: Кнобель, 2013.

Такая ситуация не исключительная для России. Консервативные изоляционистские настроения в поддержку перечисленных мер политики укреплялись практически во всех странах, против которых вводились санкции (ЮАР, Иран, Ирак в 1979 г., Китай в 1989 г. и др.; см.: Levy, 1999; Davis, Engerman, 2003; Hufbauer et al., 2009).

Для повышения темпов роста, в первую очередь его структурной составляющей (темпов роста, обусловленных вовлечением в производство дополнительных труда и капитала и эффективностью их использования), необходимы более глубокие преобразования, в том числе в части усиления, а не ослабления вовлечения России в международную торговлю и разделение труда. Опыт других стран показывает, что сохранить траекторию устойчивого роста можно только в случае преодоления краткосрочных политических мотивов введения ограничений и сосредоточения на мерах экономической политики, направленных на поддержание открытости по отношению к мировой экономике.

Экономическая открытость как фактор экономического роста

В современной экономике взаимодействие с большим числом стран-партнеров выступает неотъемлемым элементом экономического развития. Предпосылки расширения международной торговли с другими странами связаны с географическими особенностями, обеспеченностью природными и человеческими ресурсами, обуславливают выгоды и издержки обмена товарами и услугами. Международная торговля и инвестиции способствуют экономическому и институциональному развитию, определяемому интенсивностью взаимодействия с внешним миром (см.: Rodrik, 2003), по целому ряду причин.

Либерализация торговли — один из факторов экономического роста, создающий возможности для производства и экспорта, а также повышающий благосостояние за счет специализации на отраслях, обладающих сравнительными преимуществами. С экономической точки зрения международная торговля представляет одну из форм технологии и более эффективный способ получения товаров и услуг, которые дешевле импортировать, чем производить самим (Krugger, 1997).

Практика длительных ограничений импорта, создания при государственной поддержке производств, не ориентированных на экспорт, показывает, что они редко становятся конкурентоспособными. Сложно найти примеры стран, обеспечивших таким образом продолжительный устойчивый рост (Krugger, 1997). Опыт других стран свидетельствует, что протекционистских решений в своих интересах, как правило, добиваются наиболее неконкурентоспособные секторы, искусственная защита которых порождает стимулы для перетока капитальных и человеческих ресурсов из конкурентоспособных отраслей (см.: Edwards, 1998; Frankel, Romer, 1999).

В отсутствие стимулов к росту производительности компании, особенно крупные, начинают тратить ресурсы не на повышение конкурентоспособности, а на политическое лоббирование, «борьбу за

ренту» (Krueger, 1974; Murphy et al., 1993; Rodrik, 1995). Повышение торговых барьеров создает дополнительные коррупционные риски и условия для большего административного давления и произвола (Lambsdorff, 2002). Опыт подобной импортозапретительной промышленной политики в ряде стран Латинской Америки в 1980–1990 гг. показывает, что в результате консервируется отсталость промышленного сектора (Krueger, 1997).

Международная торговля стала важным фактором формирования конкурентной среды и технологического развития (Edwards, 1998; Frankel, Romer, 1999). Большинство прорывных примеров (Китай, Ю. Корея, Индонезия и др.) демонстрируют преимущества расширения торговли для усиления специализации и разделения труда, использования мирового спроса и экспорта для собственного роста, повышения производительности благодаря усилению конкуренции с импортом и отбору наиболее производительных компаний, а также за счет использования самых конкурентоспособных комплектующих и поставщиков (см.: Muendler, 2004; Bernard et al., 2007; Amiti, Konings, 2007).

Отметим, что в экономической литературе в последнее время развернулась дискуссия о наличии возникающих при определенных условиях отрицательных конкурентных эффектов от международной торговли. Повышение торговых барьеров со стороны иностранного партнера может привести к росту числа отечественных фирм, что — если оно меньше некоторого общественно-оптимального уровня — может повысить совокупное благосостояние (Zhelobodko et al., 2012)³.

Другое важное направление при анализе эффектов международной торговли — учет ее воздействия на рынок труда и неравенство доходов. Либерализация торговли может приводить к росту неравенства, поскольку выгоды от либерализации получают в первую очередь наиболее производительные фирмы, которые способны платить большую зарплату своим работникам (см.: Helpman et al., 2010). Несмотря на то что при свободной торговле уровень неравенства выше, постепенное снижение торговых ограничений сначала увеличивает, а затем уменьшает уровень неравенства. Таким образом, результат торговой либерализации может зависеть от состояния, в котором в начальный момент находится торговля между рассматриваемыми странами⁴.

---

³ Модель, которую предлагают авторы указанной работы, допускает для потребителя любую возрастающую, вогнутую, сепарабельную функцию полезности с постоянной или переменной эластичностью замещения, в отличие от часто используемой в литературе CES-функции полезности, которая не позволяет описывать ряд эффектов, наблюдаемых в реальных данных (в частности, она определяет независимость маржи фирм от уровня конкуренции на рынках). Однако рост торговых ограничений влияет на количество фирм немонотонно: на начальном этапе сокращается размер фирмы, что объясняется ее вытеснением с экспортного рынка, не полностью компенсированного переключением спроса на домашний рынок. В этих условиях снижается спрос на труд со стороны экспортеров (бывших экспортеров), что позволяет функционировать менее производительным фирмам, в результате в экономике растет число фирм и, как следствие, снижаются цены. По мере ужесточения взаимных торговых ограничений фирмы все больше ориентируются на внутренний рынок, что приводит к вытеснению наименее производительных фирм.

⁴ Предсказания данной модели эмпирически подтверждаются в: Verhoogen, 2004, где показано положительное влияние торговой либерализации между США и Мексикой на неравенство доходов мексиканских рабочих.

Если торговля товарами конечного и промежуточного использования сопряжена с трансграничным заимствованием технологий, то она вызывает рост в двух торгующих странах (Grossman, Helpman, 1990; 1991). Кроме того, на производительность страны положительно влияют затраты на исследования и разработки торгового партнера, причем как импортирующего, так и экспортирующего (Coe et al., 1997), происходит переток технологий от технологически более развитых партнеров (Branstetter, 2001; Rodrigues-Clare, 2007).

Важным элементом политики стимулирования роста стало *привлечение иностранных инвестиций*, которые, как правило, служат источником накопления капитала, расширения производства, создания высокотехнологичных рабочих мест и повышения компетенций. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) способствуют созданию новых и модернизации старых рабочих мест в экономике⁵. Заработная плата на иностранных предприятиях, как правило, превосходит среднюю по экономике (Torfinn, Javorcik, 2012). ПИИ имеют значительные положительные эффекты для экономики через трансфер знаний и технологий, улучшение качества человеческого капитала (Hofmann et al., 2012), повышают совокупную производительность факторов производства (см.: De Mello, 1997; Easterly, 2001).

ПИИ особенно значимы в условиях неразвитости финансовых рынков (UNCTAD, 2016). Большинство стран продолжают снижать барьеры для доступа иностранных инвесторов на свои рынки как в одностороннем порядке, улучшая законодательство и повышая привлекательность национальной юрисдикции, так и в многостороннем формате, подписывая международные инвестиционные соглашения, соглашения об избежании двойного налогообложения.

Введение ограничений на движение капитала и конвертируемость национальной валюты негативно сказывается на темпах экономического роста, приводит к потере доверия инвесторов, отталкивает иностранные (и отечественные) инвестиции, приводит к ухудшению их качества. Подобные ограничения не рациональны в условиях избытка капитала в мире и низких процентных ставок. Они нарушают сложившиеся практики ведения бизнеса и формирования цепочек добавленной стоимости, вынуждают замещать сократившиеся частные инвестиции государственными, которые нередко ограничены, менее эффективны, обременены обязательствами и хуже управляются.

Одним из главных факторов современного экономического роста выступает *технологическое развитие*, носящее глобальный характер. Оно способствует расширению экономики на основе накопления знаний, повышения скорости разработки и внедрения технологий (Arrow, 1962; Aghion, Howitt, 2007). Распространение технологий из стран — технологических лидеров приводит к снижению издержек (росту эффективности) в производстве, появлению новых товаров и услуг в дру-

⁵ В 2012–2014 гг. в мире было реализовано почти 25 тыс. проектов за счет ПИИ, в результате создано около 3,5 млн рабочих мест, 460 тыс. из них в Китае, 207 тыс. — в Индии, 103 тыс. — в Бразилии, 137 тыс. — в России (по данным трансграничного мониторинга ПИИ; <http://www.fdimarkets.com>).

гих странах. При этом попытки осуществить технологическое развитие в изоляции консервируют технологическое отставание.

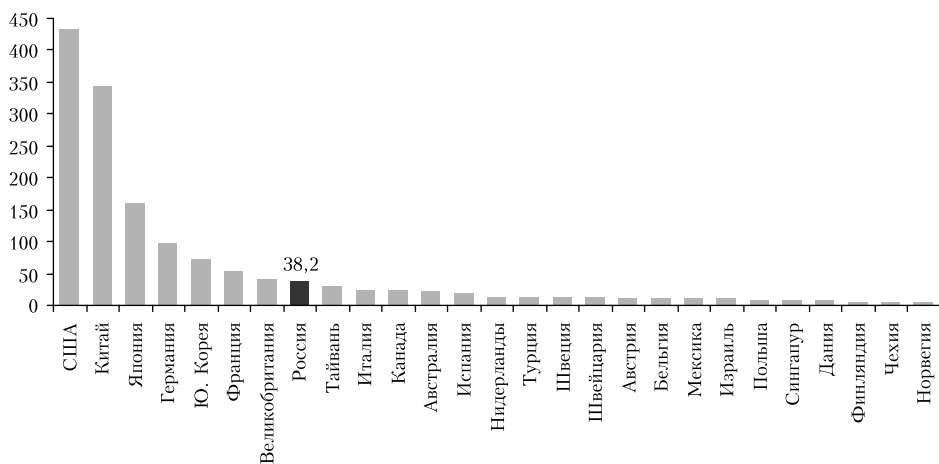
По основным показателям создания технологий и инноваций Россия находится в ряду стран Восточной Европы, Турции, Бразилии, Индии, ЮАР, по некоторым — гораздо ниже их (доля высокотехнологичного экспорта РФ в совокупном экспорте составляет всего 1,5%). По ряду технологий Россия использует чужие наработки и вынуждена догонять мировых технологических лидеров.

Вложения в НИОКР в странах-лидерах многократно превышают аналогичный показатель в России (рис. 1). Это означает, что для успешного экономического роста российские производители должны интенсивно потреблять зарубежные технологии и инновации. Опора только на собственные силы будет сдерживать экономическое развитие в силу недостаточных масштабов рынков и возможностей, технологии будут устаревать быстрее, чем воспроизводиться.

В отсутствие системы потребления мировых технологических решений и инноваций, при неготовности к интеграции в мировые технологические процессы продукция отечественной промышленности не сможет прямо конкурировать с товарами, производимыми в рамках мировой технологической кооперации. В таком контексте торговые барьеры будут препятствовать технологическому развитию и использованию новейших достижений при ее производстве. Необходимо расширять форматы кооперации и интеграции с высокотехнологичными экономиками. Только в этом случае Россия сможет увеличить и диверсифицировать экспорт, предложить мировому рынку конкурентоспособную продукцию.

Возможность продвигать российскую продукцию на рынки других стран непосредственно зависит от участия России в *формировании и обеспечении соблюдения правил международной торговли*. Активная

Затраты на НИОКР в ряде стран, 2014 г. (млрд долл.)

Примечание. Для США, Австралии и Сингапура данные за 2013 г.; для Швейцарии — за 2012 г.

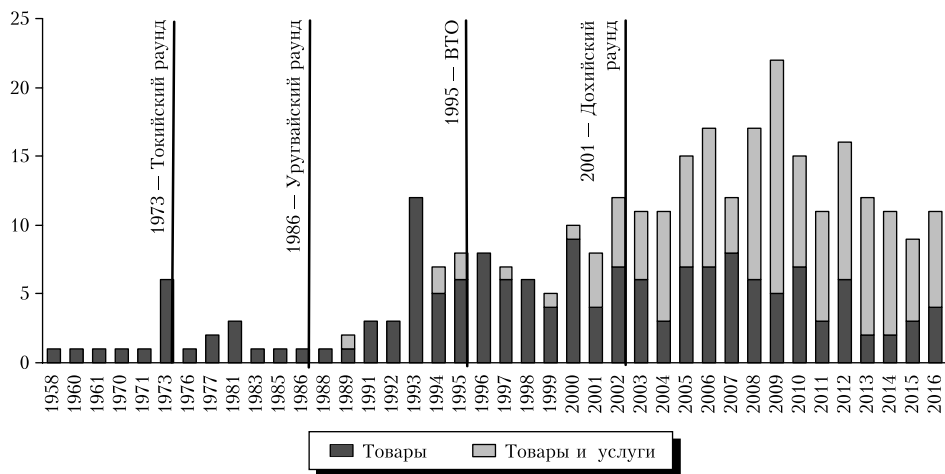
Источник: OECD Data: R&D.

Рис. 1

позиция в ВТО позволит отстаивать наши интересы, связанные с нарушением партнерами своих обязательств. В формировании новых правил торговли ВТО в настоящее время играет не столь большую роль — либерализация торговли в рамках Дохийского раунда ВТО (с 2001 г.) продвигается очень медленно. Из последних принципиальных решений можно выделить лишь достигнутые на министерской встрече в Найроби⁶ договоренности об отмене экспортных субсидий на сельскохозяйственную продукцию в развитых странах (с 2023 г. в развивающихся). Слабые результаты многосторонних переговоров в ВТО не означают, однако, начало деглобализации: эта организация по-прежнему задает базовые рамки многосторонних договоренностей. Дальнейшая либерализация торговли (как в последние 15 лет) будет происходить в рамках формирующихся двусторонних и блоковых преференциальных торговых соглашений (ПТС).

На конец 2016 г. количество ПТС, нотифицированных в ВТО, превысило 300 (рис. 2). Из них около 110 — «глубокие» соглашения, в которых предусмотрена либерализация торговли не только товарами, но и услугами, затрагиваются вопросы инвестиционного сотрудничества, стандартизации и регулирования. Более 30% ПТС заключено при участии ЕС, ЕАСТ, США и Японии. Активную торговую политику проводят также Чили и Сингапур (см.: Спартак, 2011). В качестве примеров мега-региональных блоков, которые уже сформированы или находятся в стадии формирования, можно выделить Транстихоокеанское партнерство (ТТП⁷), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство ЕС—США (ТТИП), инициированное Китаем Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

Количество действующих ПТС, нотифицированных в ВТО
(по состоянию на ноябрь 2016 г.)

Источник: составлено по данным ВТО.

Рис. 2

⁶ https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/mc10_e.htm.

⁷ Переговоры о формировании Транстихоокеанского партнерства между США, Японией, Канадой, Мексикой, Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром, Брунеем, Чили, Перу, Малайзией и Вьетнамом завершились 5 октября 2015 г.

В современной экономике все больше товаров производится не в отдельно взятой стране, а в рамках проходящих через несколько стран глобальных цепочек добавленной стоимости. В таких условиях для отстаивания экономических интересов требуется не классический протекционизм в национальных границах, а защита существующих цепочек, включая снижение издержек производства и торговли, упрощение торговых процедур и обеспечение возможностей беспрепятственного многократного пересечения границы (так называемый «коллективный», или «корпоративный» протекционизм), в том числе в рамках двусторонних и блоковых соглашений (Кадочников, 2015).

Образование новых мегарегиональных блоков заметно скажется на эволюции мировой торгово-экономической системы. В рамках подобных больших соглашений формируются не противоречащие нормам ВТО, но существенно более глубокие нормы регулирования торговли товарами и услугами, инвестиций, перемещения рабочей силы, конкуренции, прав интеллектуальной собственности. Только участвуя в таких переговорах, Россия сможет сформулировать и отстаивать свои интересы при формировании новых правил международной торговли. Иначе нам придется идти по пути односторонней либерализации, нести издержки адаптации экономики к новым условиям без учета наших особенностей и экономических интересов.

Важнейшим фактором экономического развития и интеграции в мировую экономику выступает обеспечение *свободы международного предпринимательства и передвижения*. Для наиболее производительных граждан требуется высокий уровень гражданских и политических свобод, в том числе из-за необходимости гарантировать права собственности и права на результаты труда. Последствия ограничения гражданских свобод, международных контактов и перемещений граждан проявятся в первую очередь в усилении оттока работников с наибольшей отдачей человеческого капитала, приведут к снижению темпов экономического роста. При современном уровне развития технологий бóльшая свобода и мобильность капитала, физических лиц и товаров не означают ущемление государственных интересов (администрирование и сбор налогов и др.) или интересов национальной безопасности. В этой области возникают даже бóльшие, чем раньше, возможности на основе накопления и анализа данных, в том числе в рамках межгосударственного обмена (см.: Dreher, 2006; Blundell-Wignall, Roulet, 2014).

Связанный с этим, но чрезвычайно актуальный вопрос — перспективная модель миграционной политики. Исследования показывают, что привлечение трудовых ресурсов увеличивает спрос на инвестиции (Ottaviano, Peri, 2008; Peri, 2012), почти не влияет на капиталоемкость, не приводит к росту безработицы в принимающей стране (Longhi et al., 2008; Cattaneo et al., 2013), слабо сказывается на уровне оплаты труда (Longhi et al., 2008). Привлечение человеческого капитала ускоряет развитие экономики, положительно влияет на разнообразие производства и потребления, инновации на уровне фирм и регионов, производительность труда, качество управления (см. также: Aterido et al., 2007; Audretsch et al., 2010; Lee, Nathan, 2011; 2013; Mazzolari,

Neumark, 2012; Ozgen et al., 2012; 2013; Bakens et al., 2013; Paserman, 2013; Trax et al., 2015; Alesina et al., 2016). Все это говорит о необходимости пересмотреть подходы к миграционной политике с учетом задач экономического роста и перспективной модели торговой и технологической открытости российской экономики.

Направления стимулирования экономического роста за счет повышения открытости и расширения международной торговли и инвестиций

Вывести российскую экономику из стагнации — в настоящее время главная экономическая задача, решить которую невозможно с опорой только на собственный рынок. Россия уже длительное время последовательно проводит политику повышения открытости экономики и расширения международной торговли и инвестиций. Об этом говорят следующие факты: присоединение к ВТО в 2012 г.; начало функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с последующим его расширением до пяти стран; активизация переговорной торгово-экономической повестки на востоке (Китай, Ю. Корея, ШОС); подписание соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом; создание Российского экспортного центра (РЭЦ).

С учетом роли и места России в глобальной экономике для преодоления внешнеполитических ограничений и решения внутренних структурных проблем можно сформулировать следующие приоритеты взаимодействия с внешним миром в интересах экономического роста.

1. *Расширение и диверсификация российского экспорта* предусматривают укрепление мер поддержки и увеличение масштабов присутствия и многообразия российских товаров на внешних рынках как во взаимодействии с торговыми партнерами, так и в плане работы с российскими компаниями. Организационная поддержка должна включать предоставление консультационной и информационной помощи, касающейся условий ведения бизнеса, административного регулирования, налогового режима, других юридических особенностей работы в других странах. Финансовую поддержку нужно расширить и перенастроить с учетом обязательств в рамках ВТО и практик ОЭСР, включая развитие системы поддержки малых и средних предприятий, а также страхования экспортных кредитов.

2. *Продвижение повестки соглашений о свободной торговле и защите инвестиций* с участием России (стран ЕАЭС и союза в целом по вопросам его компетенции) и важнейших торговых партнеров. Следует начать переговоры о свободной торговле с ключевыми азиатскими странами, в первую очередь со странами АСЕАН или с АСЕАН в целом, сделать реальные шаги по интеграции с Китаем (упрощение торговых процедур, сопоставление систем регулирования, выявление ограничений для выхода на переговоры о ЗСТ, реализация инфраструктурных проектов), предлагать более масштабные партнерства с участием стран ШОС, предпринимать усилия по формированию зоны свободной торговли с Ю. Кореей как с перспективным технологическим партнером,

по мере снятия политических ограничений обсуждать возможные пути выхода на новое соглашение с ЕС.

Если такая политика будет реализована, то можно рассчитывать на выигрыш от свободной торговли, появится возможность использовать преференции для повышения конкурентоспособности российских товаров, в том числе производимых с применением импортных технологий и комплектующих. Согласно оценкам на основе моделей общего равновесия⁸, суммарный макроэкономический выигрыш для России от «простых» ЗСТ, подразумевающих взаимное обнуление импортных пошлин, составит с Ю. Кореей — около 4 млрд долл., с АСЕАН — около 5 млрд, со странами ШОС — около 10 млрд, с ЕС — до 30–40 млрд долл. ежегодно. Получение этих выгод напрямую связано с укреплением и развитием ЕАЭС. В силу различной структуры торговли, неравномерности распределения выгод от свободной торговли при необходимости формировать единую переговорную позицию ЕАЭС по вопросам, входящим в компетенцию союза, требуются механизмы перераспределения выигрыша и развития общей интеграционной стратегии.

Важно укреплять кооперационные связи по направлениям, где это будет способствовать повышению конкурентоспособности соответствующей продукции. На постсоветском пространстве следует сохранить зону свободной торговли СНГ, а внутри ЕАЭС — двигаться в сторону снижения внутренних нетарифных барьеров для торговли и инвестиций⁹. Чтобы сотрудничество внутри ЕАЭС было больше ориентировано на выигрыш от интеграции и менее политизировано, целесообразно в ближайшие годы завершить налоговый маневр с переносом налоговой нагрузки с экспортных пошлин на НДС, что наряду с повышением эффективности нефтепереработки снизит нефтегазовые трансферты внутри ЕАЭС (см.: Синельников-Мурылев, Идрисов, 2011; Идрисов, Синельников-Мурылев, 2012; Кнобель, 2015).

Расчеты на основе модели общего равновесия показывают, что в целом для ЕАЭС макроэкономический эффект может составить ежегодно до 1,5% ВВП, причем в снижении нетарифных барьеров внутри ЕАЭС в наибольшей степени заинтересованы Армения и Белоруссия: их относительный выигрыш от этого значительно превысит относительный выигрыш России и Казахстана. Взаимное снижение нетарифных барьеров в торговле товарами и услугами внутри ЕАЭС даст существенный макроэкономический эффект для Армении (до 10% ВВП)

---

⁸ В настоящее время одним из самых распространенных и востребованных инструментов оценки последствий заключения торговых соглашений выступает вычислительная модель общего равновесия (Computable General Equilibrium, CGE). Ее структурные уравнения определяют общее равновесие на всех рынках, что позволяет анализировать влияние различных внешнеэкономических изменений на национальную экономику (см.: Clausing, 2001; Trefler, 2004; Romalis, 2007; Chang, Winters, 2002; Egger, 2004; Magee, 2008; Carrere, 2006; Harris, 2006). Использование функций с постоянной эластичностью замещения (CES) позволяет моделировать неравные цены на отечественный и импортный товары. Это согласуется с фактическим положением, когда практически во всех странах потребляются и отечественные, и импортные товары-субституты (подробнее описание модели см. в: Кнобель, Чокаев, 2014).

⁹ О перспективах валютной интеграции на постсоветском пространстве см.: Кнобель, Миронов, 2015.

и Белоруссии (до 15% ВВП) и не очень значимый — для Казахстана и России (менее 1% ВВП). Такой результат обусловлен прежде всего структурой торговли России и Казахстана и небольшой долей товарооборота с партнерами по ЕАЭС в общем объеме товарооборота.

3. *Адаптация промышленной политики.* Многие российские экспортеры импортируют запасные части и комплектующие, уплачивая тариф 5–15% из-за принятых ранее решений по защите от внешней конкуренции отечественных производителей этих комплектующих и запчастей¹⁰, что снижает конкурентоспособность российских производителей на зарубежных рынках¹¹. В российской экономике есть отрасли, продукция которых успешно конкурирует с зарубежными аналогами или сможет конкурировать при определенной поддержке (часть предприятий нефтепереработки и нефтехимии, черная и цветная металлургия, сегменты химической промышленности, производство пищевых продуктов, отдельные подотрасли сельского хозяйства и др.).

Импортозамещение приведет к росту благосостояния, если соответствующая продукция или услуги конкурентоспособны или в скором времени станут конкурентоспособными на мировом рынке. Принципиальное условие этого — ориентация на экспорт поддерживаемых промышленных производств, в том числе при принятии решений о защите от импорта. Более того, в целом при формировании стратегии импортозамещения на внутреннем рынке, помимо экспортной ориентации, нужно учитывать, что встраивание в мировые цепочки добавленной стоимости потребует снизить барьеры для импорта материалов и комплектующих, по которым нет отечественных конкурентоспособных производителей.

4. *В части упрощения процедур* целесообразно сосредоточиться на двух задачах: упрощение административных процедур, связанных с экспортно-импортными операциями; улучшение налогового администрирования.

Ввозные пошлины, взимаемые таможенной службой НДС и акцизы по своей экономической сути — косвенные налоги. Их администрирование в России имеет свою специфику: обязательства по уплате возникают в момент пересечения таможенной границы, уплата производится до выпуска товара в обращение. Упростить процедуры и снизить издержки на их осуществление, повысить фискальную отдачу можно при одновременной реализации следующих мер:

— организация «единого окна»: таможенная служба формирует и обслуживает систему, через которую (в электронном виде, в соответствии с международными стандартами) компании подают и получают все сведения, связанные с внешнеэкономической деятельностью и прохождением товаров через границу, с проведением любыми органами власти необходимых подготовительных и других процедур; при этом исключено дублирование подачи сведений, они передаются между

¹⁰ Оценки чувствительности российского импорта к изменениям таможенного тарифа представлены в: Идрисов, 2010; Кнобель, 2011а.

¹¹ Так, в фармацевтике доля затрат на импортное сырье в общей стоимости выпуска составляет порядка 5%, ввозные пошлины на которое — 5–13% (Зайцев, Кнобель, 2013). О факторах межотраслевых различий импортного тарифа в России см.: Кнобель, 2011б.

органами государственной власти и проверяются внутри системы без участия компаний;

— число необходимых при экспорте и импорте документов сокращается до трех (таможенная декларация, инвойс и коносамент);

— для получения сведений о компании и оценки рисков интегрируются базы данных налоговой и таможенной служб, налажен автоматический обмен и учет таможенной информации при составлении налоговых деклараций;

— выпуск товара в обращение для благонадежных налогоплательщиков осуществляется автоматически, контроль переносится на этап после выпуска товаров; не требуется предварительный контроль расчета величины таможенных платежей и их уплаты.

Чтобы решить эти задачи, следует *разделить фискальные и нефискальные функции* в рамках ФТС России, а затем *передать первые в ФНС России*. При этом важно уточнить бизнес-процессы, связанные с выполнением нефискальных функций на границе (пограничный, миграционный, санитарно-эпидемиологический, ветеринарный контроль, контроль соблюдения технических требований), их практической реализацией в рамках механизма «единого окна».

Общее администрирование налогов и таможенных платежей предполагает большую информационную открытость компаний для фискальных органов и большие возможности для автоматического контроля. Это в совокупности обеспечит снижение издержек администрирования и повысит собираемость налогов, так как позволит более эффективно осуществлять контроль за несоответствиями в налоговой и таможенной отчетности.

В ЕС, а с недавнего времени и в ЕАЭС, для снятия внутренних барьеров при движении товаров и услуг НДС администрируется налоговыми органами. Пошлины, импортный НДС, акцизы могут взиматься на основании тех же подходов, что и внутренний НДС, и в те же сроки¹².

Радикальное расширение информационного обмена между налоговыми и таможенными органами, в том числе в части проверки благонадежности компаний, учета импортируемых и экспортируемых товаров в налоговой отчетности, позволит не удерживать товары для контроля правильности уплаты таможенных платежей. Отказ от такого удержания и перенос акцентов на постконтроль снизят коррупционное давление на плательщиков, поскольку смещение контроля на период после выпуска товара не содержит рисков штрафных санкций за срыв

---

¹² В отношении правил взимания таможенных пошлин в странах ЕС при импорте из стран, не входящих в ЕС, можно отметить следующие особенности. В Австрии и Люксембурге таможенные пошлины должны быть уплачены в течение 15 дней месяца, следующего за месяцем реализации импорта. В Бельгии, Болгарии, Франции, Нидерландах, Румынии, Словакии, Словении, Испании и Швеции платеж может быть отложен на срок до 30 дней. В Дании и Польше таможенные пошлины могут уплачиваться в период до 16-го числа месяца, следующего за месяцем ввоза товаров. В Эстонии (как и в Бельгии) срок уплаты может быть отложен до пятницы 4-ой недели, следующей за календарной, или до 16-го числа месяца, следующего за календарным, в зависимости от таможенного режима. Во многих странах ЕС правила отсрочки по НДС в основном совпадают с правилами отсрочки по уплате таможенных пошлин (Deloitte, 2011).

сроков поставок, порчи скоропортящихся товаров и др. Это ограничит и навязывание услуг использования складов временного хранения, возможное при сговоре лиц, принимающих такие решения, и коммерческих компаний, предоставляющих соответствующие услуги.

5. *Реформирование валютного законодательства.* Изначально сформированное для улучшения платежного баланса за счет контроля возврата и продажи валютной выручки, в условиях свободного движения капитала и валютностей автоматического контроля платежей валютное регулирование избыточно и создает существенные барьеры для экономической деятельности, причем это касается как физических, так и юридических лиц. Такие аспекты валютного контроля, как «валютный резидент», ограничения при использовании зарубежных счетов (закрытый перечень возможных операций, избыточная отчетность), требование репатриации и оформления паспорта сделки, а также карательный и избыточный характер уголовной и административной ответственности за нарушение не только норм валютного законодательства, но и порядка его осуществления, создают высокие барьеры в международной торговле и движении капитала, мешают расширению экспорта и участию в мировой экономике.

В условиях присоединения России к международному автоматическому обмену налоговой информацией, усиления банковского надзора и наличия регулирования на основе международных стандартов ФАТФ действующее валютное законодательство может быть отменено. Весь необходимый контроль и прозрачность информации и транзакций для уполномоченных органов можно обеспечить в ходе информационного обмена в рамках налогового и банковского законодательства, а также направленного на противодействие легализации доходов, полученных незаконным путем.

Реализация перечисленных мер будет способствовать решению главной макроэкономической задачи ближайших лет — выходу российской экономики на траекторию устойчивого экономического роста. Этого можно добиться прежде всего за счет реализации мер экономической политики, направленных на поддержание открытости, с опорой на внешние источники роста, на более глубокую интеграцию компаний в глобальные цепочки добавленной стоимости в российских интересах.

Список литературы /References

- Зайцев Ю. К., Кнобель А. Ю. (2013). Торговая политика Российской Федерации в отношении продукции фармацевтической промышленности в контексте присоединения к ВТО // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 4. С. 37–46. [Zaytsev Yu. K., Knobel A. Yu. (2013). Trade policy of the Russian Federation in respect of pharmaceutical products in light of WTO accession. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov, Seriya Ekonomika*, No. 4, pp. 37–46. (In Russian).]
- Идрисов Г. И. (2010). Факторы спроса на иностранные капитальные блага в России // Экономическая политика. № 3. С. 115–137. [Idrisov G. I. (2010). Factors of demand for capital goods in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 3, pp. 115–137. (In Russian).]

- Идрисов Г. И., Синельников-Мурылев С. Г. (2012). Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. № 3. С. 5–19. [Idrisov G. I., Sinelnikov-Murylev S. G. (2012). Modernization or conservation: The role of export duties on oil and oil products. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 3, pp. 5–19. (In Russian).]
- Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. (2013). Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. № 3. С. 35–59. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2013). Fiscal policy and economic growth. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 35–59. (In Russian).]
- Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. (2014). Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. № 3. С. 4–20. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2014). Forming sources of long-run growth: How to understand them? *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 4–20. (In Russian).]
- Кадочников П. А. (2015). Протекционизм и либерализация внешней торговли в России и ведущих странах мира // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 3–13. [Kadochnikov P. A. (2015). Trade liberalization and protectionism in Russia and the world's leading countries. *Rossiyskiy Vneshneekonomicheskii Vestnik*, No. 3, pp. 3–13. (In Russian).]
- Кнобель А. Ю. (2011а). Межотраслевые различия импортного тарифа в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 11. С. 64–84. [Knobel A. Yu. (2011). Inter-industry import tariff differences in Russia. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, No. 11, pp. 64–84. (In Russian).]
- Кнобель А. Ю. (2011б). Оценка функции спроса на импорт в России // Прикладная эконометрика. № 4. С. 3–26. [Knobel A. Yu. (2011). Estimation of import demand function in Russia. *Prikladnaya Ekonometrika*, No. 4, pp. 3–26. (In Russian).]
- Кнобель А. Ю. (2013). Риски бюджетной политики в странах, богатых природными ресурсами // Экономическая политика. № 5. С. 29–38. [Knobel A. Yu. (2013). The risks of fiscal policy in countries rich in natural resources. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 5, pp. 29–38. (In Russian).]
- Кнобель А. (2015). Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. № 3. С. 87–108. [Knobel A. (2015). Eurasian Economic Union: Prospects and challenges for development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 87–108. (In Russian).]
- Кнобель А. Ю., Миронов А. К. (2015). Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 76–102. [Knobel A. Yu., Mironov A. K. (2015). Assessment of CIS countries readiness for creation of currency union. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, No. 1, pp. 76–102. (In Russian).]
- Кнобель А. Ю., Соколов И. А. (2012). Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу // Экономическое развитие России. Т. 19, № 12. С. 23–32. [Knobel A. Yu., Sokolov I. A. (2012). Assessment of the budget policy of the Russian Federation in the medium term. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, Vol. 19, No. 12, pp. 23–32. (In Russian).]
- Кнобель А., Чокаев Б. (2014). Возможные экономические последствия торгового соглашения между Таможенным и Европейским союзами // Вопросы экономики. № 2. С. 68–87. [Knobel A., Chokaev B. (2014). Possible economic effects of CU–EU trade agreement. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 68–87. (In Russian).]
- Синельников-Мурылев С. Г., Дробышевский С. М., Казакова М. В. (2014). Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. № 5. С. 7–37. [Sinelnikov-Murylev S. G., Drobyshevsky S. M., Kazakova M. V. (2014). Decomposition of Russian GDP growth rates in 1999–2014. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 5, pp. 7–37. (In Russian).]
- Синельников-Мурылев С. Г., Идрисов Г. И. (2011). Экспортная пошлина на нефть: отменить нельзя сохранить // Нефть России. № 12. С. 6–10. [Sinelnikov-Murylev S. G., Idrisov G. I. (2011). The export duty on oil: To cancel or to save. *Neft Rossii*. No. 12, pp. 6–10. (In Russian).]

- Спартак А. Н. (2011). Метаморфозы мировых товарных рынков // Российский внешнеэкономический вестник. № 8. С. 3–13. [Spartak A. N. (2011). Metamorphosis of world commodity markets. *Rossiyskiy Vneshneekonomicheskiy Vestnik*, No. 8, pp. 3–13. (In Russian).]
- Aghion P., Howitt P. (2007). Capital, innovation, and growth accounting. *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 23, No. 1, pp. 79–93.
- Alesina A., Harnoss J., Rapoport H. (2016). Birthplace diversity and economic prosperity. *Journal of Economic Growth*, Vol. 21, No. 2, pp. 101–138.
- Amiti M., Konings J. (2007). Trade liberalization, intermediate inputs, and productivity: Evidence from Indonesia. *American Economic Review*, Vol. 97, No. 5, pp. 1611–1638.
- Arrow K. (1962). *Economic welfare and the allocation of resources for invention*. Princeton: Princeton University Press, pp. 609–626.
- Aterido R., Hallward-Driemeier M., Pages C. (2007). Investment climate and employment growth: The impact of access to finance, corruption and regulations across firms. *IZA Discussion Papers*, No. 3138.
- Audretsch D., Dohse D., Niebuhr A. (2010). Cultural diversity and entrepreneurship: A regional analysis for Germany. *The Annals of Regional Science*, Vol. 45, No. 1, pp. 55–85.
- Bakens J., Mulder P., Nijkamp P. (2013). Economic impacts of cultural diversity in the Netherlands: Productivity, utility, and sorting. *Journal of Regional Science*, Vol. 53, No. 1, pp. 8–36.
- Bernard A., Jensen J., Redding S., Schott P. (2007). Firms in international trade. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 21, No. 3, pp. 105–130.
- Blundell-Wignall A., Roulet C. (2014). Problems in the international financial system. *OECD Journal: Financial Market Trends*, Vol. 2014, No. 1, pp. 99–121.
- Bransletter L. (2001). Are knowledge spillovers international or intranational in scope? Microeconomic evidence from the US and Japan. *Journal of International Economics*, Vol. 53, No. 1, pp. 53–79.
- Carrere C. (2006). Revisiting the effects of regional trade agreements on trade flows with proper specification on the gravity model. *European Economic Review*, Vol. 50, No. 2, pp. 223–247.
- Cattaneo C., Fiorio C., Peri G. (2013). Immigration and careers of European workers: Effects and the role of policies. *IZA Journal of European Labor Studies*, Vol. 2, No. 1, pp. 1–26.
- Chang W., Winters L. (2002). How regional blocs affect excluded countries: The price effects of MERCOSUR. *American Economic Review*, Vol. 92, No. 4, pp. 889–904.
- Clausing K. (2011). Trade creation and trade diversion in the Canada–United States free trade agreement. *Canadian Journal of Economics*, Vol. 34, No. 3, pp. 677–696.
- Coe D., Helpman E., Hoffmaister A. (1997). North–South R&D spillovers. *Economic Journal*, Vol. 107, No. 440, pp. 134–149.
- Davis L., Engerman S. (2003). History lessons: Sanctions – neither war nor peace. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 17, No. 2, pp. 187–197.
- Delloite (2011). *Information on the import VAT collection in the member states*. Deloitte & Copenhagen Economics.
- De Mello L. (1997). Foreign direct investment in developing countries and growth. A selective survey. *Journal of Development Studies*, Vol. 34, No. 1, pp. 1–34.
- Dreher A. (2006). The influence of globalization on taxes and social policy: An empirical analysis for OECD countries. *European Journal of Political Economy*, Vol. 22, No. 1, pp. 179–201.
- Easterly W. (2001). The middle class consensus and economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 6, No. 4, pp. 317–335.
- Edwards S. (1998). Openness, productivity and growth: What do we really know? *Economic Journal*, Vol. 108, No. 447, pp. 383–398.
- Egger P. (2004). Estimating regional trading block effects with panel data. *Review of World Economics*, Vol. 140, No. 1, pp. 151–166.

- Frankel J., Romer D. (1999). Does trade cause growth? *American Economic Review*, Vol. 89, No. 3, pp. 379–399.
- Grossman G., Helpman E. (1990). *Hysteresis in the trade pattern* (Papers No. 157). Princeton: Woodrow Wilson School – Public and International Affairs.
- Grossman G., Helpman E. (1991). Trade, knowledge spillovers, and growth. *European Economic Review*, Vol. 35, No. 2–3, pp. 517–526.
- Harris R. (2006). The economic impact of the Canada – U.S. FTA and NAFTA agreements for Canada: A review of the evidence. In: J. Curtis, A. Sydor (eds.). *NAFTA@10*. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada, pp. 9–42.
- Helpman E., Itskhoki O., Redding S. (2010). Inequality and unemployment in a global economy. *Econometrica*, Vol. 78, No. 4, pp. 1239–1283.
- Hoffman B., Peersman G., Straub R. (2012). Time variation in U.S. wage dynamics. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 59, No. 8, pp. 769–783.
- Hufbauer G., Schott J., Elliot K., Oegg B. (2009). *Economic sanctions reconsidered*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- IMF (2016). *World economic outlook: Too slow for too long*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Krueger A. (1974). The political economy of the rent-seeking society. *American Economic Review*, Vol. 64, No. 3, pp. 291–303.
- Krueger A. (1997). Trade policy and economic development: How we learn? *American Economic Review*, Vol. 87, No. 1, pp. 1–22.
- Lambdsdorff J. (2002). Making corrupt deals – contracting in the shadow of the law. *Journal of Economic Behavior and Organization*, Vol. 48, No. 3, pp. 221–241.
- Lee N., Nathan M. (2011). Does cultural diversity help innovation in cities: Evidence from London firms. *SERC Discussion Papers*, No. 0069.
- Lee N., Nathan M. (2013). Cultural diversity, innovation, and entrepreneurship: Firm-level evidence from London. *Economic Geography*, Vol. 89, No. 4, pp. 367–394.
- Levy P. (1999). Sanctions on South Africa: What did they do? *American Economic Review*, Vol. 89, No. 2, pp. 415–420.
- Longhi S., Nijkamp P., Poot J. (2008). Meta-analysis of empirical evidence on the labour market impacts of immigration. *Region et Developpement*, Vol. 27, No. 1, pp. 161–191.
- Magee C. S. (2008). New measures of trade creation and trade diversion. *Journal of International Economics*, Vol. 75, No. 2, pp. 349–362.
- Mazzolari F., Neumark D. (2012). Immigration and product diversity. *Journal of Population Economics*, Vol. 25, No. 3, pp. 1107–1137.
- Muendler M. (2004). Trade, technology, and productivity: A study of Brazilian manufacturers, 1986–1998. *CESifo Working Paper Series*, No. 1148.
- Murphy K., Shleifer A., Vishny R. (1993). Why is rent-seeking so costly to growth? *American Economic Review*, Vol. 83, No. 2, pp. 409–414.
- Ottaviano G., Peri G. (2008). Immigration and national wages: Clarifying the theory and the empirics. *NBER Working Papers*, No. 14188.
- Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. (2012). Immigration and innovation in European regions. In: P. Nijkamp, J. Poot, M. Sahin (eds.). *Migration impact assessment*. Ch. 8, pp. 261–298. Edward Elgar Publishing.
- Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. (2013). The impact of cultural diversity on firm innovation: Evidence from Dutch macro-data. *IZA Journal of Migration*, Vol. 2, No. 1, pp. 1–24.
- Passerman M. (2013). Do high-skill immigrants raise productivity? Evidence from Israeli manufacturing firms, 1990–1999. *IZA Journal of Migration*, Vol. 2, No. 1, pp. 1–31.
- Peri G. (2012). The effect of immigration on productivity: Evidence from the U.S. states. *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 94, No. 1, pp. 348–358.
- Rodrigues-Clare A. (2007). Clusters and comparative advantage: Implications for industrial policy. *Journal of Development Economics*, Vol. 82, No. 1, pp. 43–57.
- Rodrik D. (1995). The dynamics of political support for reform in economies in transition. *Journal of the Japanese and International Economies*, Vol. 9, No. 4, pp. 403–425.

- Rodrik D. (ed.) (2003). *In search of prosperity: Analytic narratives on economic growth*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Romalis J. (2007). NAFTA's and CUSFTA's impact on international trade. *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 89, No. 3, pp. 416–435.
- Torfinn H., Javorcik B. (2012). *Investment promotion and FDI inflows: Quality matters* (Department of Economics Discussion Paper Series Ref: 612). University of Oxford, Department of Economics.
- Trax M., Brunow S., Suedekum J. (2015). Cultural diversity and plant-level productivity. *Regional Science and Urban Economics*, Vol. 53, No. C, pp. 85–96.
- Trefler D. (2004). The long and short of the Canada–U.S. free trade agreement. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 4, pp. 870–895.
- UNCTAD (2016). *World investment report 2016*. Geneva: United Nations.
- Verhoogen E. (2004) *Trade, quality upgrading and wage inequality in the Mexican manufacturing sector: Theory and evidence from an exchange rate shock* (Working Paper No. 67). Center for Labor Economics, University of California, Berkeley.
- World Bank (2016). *World development indicators 2016*. Washington, DC.
- WTO (2016). *Annual report 2016*. Geneva: World Trade Organization.
- Zhelobodko E., Kokovin S., Parenti M., Thisse J. F. (2012). Monopolistic competition: Beyond the constant elasticity of substitution. *Econometrica*, Vol. 80, No. 6, pp. 2765–2784.
-

Openness of the Russian economy as a source of economic growth

*Pavel Kadochnikov*¹, *Alexander Knobel*^{2,3,*},
*Sergey Sinelnikov-Murylev*¹

Authors affiliation: ¹ Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia);

² Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia);

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). * Corresponding author, email: knobel@iep.ru.

The paper considers measures on Russia's integration into the global economy, aimed at the economic growth resumption. It analyzes conditions and mechanisms due to which the expanding trade and mutual investment with other countries contribute to economic growth in Russia. The paper provides policy recommendations for export support, regional economic integration agenda and the institutions reform.

Keywords: international trade and investment, Eurasian Economic Union, free trade agreement, industrial policy.

JEL: F13, F15, F21, F41.